

И.И. Дитятин

**Роль челобитий и земских соборов
в управлении московского
государства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.И. Дитятин**
Роль челобитий и земских соборов в управлении московского государства / И.И. Дитятин –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 50 с.

ISBN 978-5-4241-5093-7

ISBN 978-5-4241-5093-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи московскаго государства.

И. Д и т я т и к ъ.

«...Дворянство въ собраніи можетъ дѣлать совѣщаніе о своихъ нуждахъ, представлять объ оныхъ черезъ губернскаго предводителя губернатору и министерству внутреннихъ дѣлъ, а въ случаяхъ важныхъ приносить и всеподданнѣйшія *прошенія* Его Императорскому Величеству; но не должно входить въ обсужденіе предметовъ, прямому его вѣдѣнію не подлежащихъ, и касаться вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учреждений». (Сводъ Законовъ (изд. 1876 г.), т. IX, ст. 142).

Въ городскихъ поселеніяхъ, гдѣ не введено въ дѣйствіе городское положеніе 1870 г., предметъ совѣщаній городского общества въ каждомъ городѣ, между прочимъ, составляетъ:

3) Представленіе о своихъ общественныхъ «нуждахъ и пользахъ», которое представляется «губернатору или градоначальнику по принадлежности». (Тамъ-же. ст. 577 и 578).

По положенію 1870 года, городской думѣ предоставляется: «постановленіе опредѣленій и ходатайствъ отъ имени города передъ высшимъ правительствомъ о *мьст-*

ныхъ пользахъ и нуждахъ»; ходатайство же это «дѣлается черезъ губернатора, который обязанъ представить его высшему начальству съ своимъ заключеніемъ, не далѣе мѣсячнаго срока». (Город. Пол. 1870 г., ст. 55, п. 14 и ст. 13).

Земскимъ учрежденіемъ принадлежитъ право на «ходатайство по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ, пользы и нужды губерніи или уѣзда». (Полож. о Земск. Учр., ст. 2, п. XII).

Вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ:

8) Совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ. (Полож. 14 февр. 1861 г., ст. 51).

Вотъ единственная форма, въ которой выражается въ наше время инициатива населенія по отношенію къ законодательству, все вліяніе его на развитіе послѣдняго. Всякая подача прошеній или ходатайствъ за подписью многихъ, не отъ имени «общества», «собранія», вообще не отъ имени юридическаго лица, разсматривается, какъ прошеніе «или доносомъ, или заговоромъ, или скопомъ» учиненное и, какъ таковое, строго нашимъ Уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій воспрещается. Правда, еще не такъ давно земство было спрошено по вопросу о реформѣ податной системы; еще на нашей памяти, въ началѣ шестидесятыхъ и концѣ пятидесятыхъ годовъ, наше общество, въ лицѣ нѣсколькихъ представителей городскаго населенія, въ лицѣ предводителей дворянства и немногихъ членовъ этого сословія, было приглашено къ нѣкоторому участию въ вопросѣ о преобразованіи городскихъ учреждений и о такомъ великой важности дѣлѣ, какъ освобожденіе крестьянъ. Но все это дѣлалось даже не на основаніи тѣхъ узаконеній, которыя мы видѣли въ началѣ статьи. Это приглашеніе общества къ участию въ данныхъ вопросахъ основывалось на спеціальныхъ распоряженіяхъ, изданныхъ *ad hoc*; на основаніи такого же распоряженія въ наши дни немногіе предствители городской думы Петербурга приглашены г. предсѣдателемъ Верховной

Комиссіи къ участию въ засѣданіяхъ этой послѣдней. Слѣдуетъ, однако, оговориться, что и во всѣхъ этихъ случаяхъ объ инициативѣ общества, въ техническомъ значеніи этого выраженія, рѣчи, въ сущности, быть не можетъ: инициатива, въ этомъ смыслѣ, всецѣло принадлежитъ правительству, которое обращается въ данной формѣ къ обществу лишь съ цѣлью получить отъ его представителей тѣ или иныя свѣдѣнія, необходимыя для соображеній въ его законодательныхъ работахъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ—при освобожденіи крестьянъ—представители общества пользовались правомъ совѣщательнаго голоса. Въ правѣ «ходатайства» о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, хотя бы и хозяйственныхъ только, предоставленномъ дворянству, городамъ, земству и крестьянамъ съ юридической точки зрѣнія, разумѣется, слѣдуетъ видѣть извѣстную форму инициативы, предоставленной обществу относительно законодательства; но эта форма слишкомъ узка и ограничена, чтобъ ее можно было назвать *народною* формою инициативы; нѣтъ, думается, необходимости доказывать это относительно «ходатайства» дворянства, въ которомъ ничего, кромѣ узко-сословнаго права, видѣть нельзя. Правда, въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ участвуютъ представители *всѣхъ* сословій; но нельзя не игнорировать вопроса о *равномѣрности* участія въ нихъ представителей этихъ сословій; смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, нельзя не замѣтить, что огромный слой населенія лишенъ всякаго участія въ правѣ на ходатайство черезъ посредство городскихъ и земскихъ учреждений; мы говоримъ о крестьянствѣ. Впрочемъ, оно, мы видѣли, подобно дворянству, пользуется правомъ ходатайствъ, какъ сословіе, отъ лица каждаго сельскаго схода отдѣльно. Данная форма инициативы, дальше, слишкомъ узка, и для того, чтобы могла быть названа законодательной въ полномъ смыслѣ этого слова. Положимъ, подъ «своими пользами и нуждами» или «мѣстными» можно разумѣть очень многое; чего нельзя подвести подъ это понятіе? Но законода-

тель стремится подъ этимъ выраженіемъ разумѣть нѣчто опредѣленное (хотя и не выражаетъ этого ясно), узко словное, во первыхъ, относительно дворянства и крестьянъ, исключительно касающееся «хозяйства», во-вторыхъ, по отношенію къ городу и земству. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что въ *дѣйствительности*, это право ходатайства осуществляется тѣми, кому оно предоставлено, слишкомъ не часто и въ слишкомъ скромныхъ размѣрахъ; а что самое главное, эти ходатайства слишкомъ рѣдко достигаютъ поставленныхъ себѣ цѣлей, чтобы о нихъ можно было говорить, какъ о выраженіи инициативы и извѣстной формы участія въ законодательной дѣятельности тѣхъ сословій и учреждений, которымъ предоставлено самое право ходатайствъ. Мы знаемъ, на примѣръ, какъ рѣдко удовлетворяются ходатайства городовъ и земствъ объ открытіи школъ, реальныхъ училищъ и т. п. Мы помнимъ неудачныя ходатайства нѣкоторыхъ изъ нашихъ дворянскихъ собраний, поведшія къ болѣе печальнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ простой отказъ.

А было время въ нашей исторіи, когда такимъ правомъ ходатайствъ, говоря оффиціальнымъ языкомъ, пользовалось, и при томъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и каждое изъ сословій въ отдѣльности, и весь народъ въ его совокупности. Мы говоримъ о томъ періодѣ нашего прошлаго, который принято называть періодомъ московскаго государства. Въ этотъ тяжелый періодъ нашей исторіи духовенство, служилые люди, посадскіе, волостные и «всякихъ чиновъ» люди, «били челомъ государю, царю и великому князю» о всякихъ такихъ своихъ тяготахъ, обидахъ и разореніяхъ, просили «помиловать ихъ горькихъ людишекъ, чтобы имъ не погинути и нарознь не разойтись!» Посадскіе и крестьянскіе старосты и выборные люди «во всѣхъ людей мѣсто» несли и везли свои «челобитья великія» въ Москву самому царю или въ указы царскіе.

Было у людей всякихъ чиновъ московскаго государства и другое средство довести до царя и вообще москов-

скаго правительства о своихъ тяготахъ и разореніяхъ, высказать «мысль свою» о тѣхъ средствахъ и мѣрахъ, какими, по ихъ мнѣнію, они могли избавиться отъ этихъ тяготъ, этихъ разореній. Это средство—высказать, предложить «мысль свою на *совѣтъ* всей земли русской, на *земскомъ* великомъ *соборѣ*, черезъ своихъ «лучшихъ» выборныхъ людей,—«добрыхъ и разумныхъ», которые умѣли рассказать обиды, и насильства, и раззоренья и чѣмъ московскому государству полниться»...

Эти челобитья письменныя и устныя (на соборахъ) не оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Хотя московскіе цари и видѣли въ нихъ «докуку безпрестанную», но отвѣтомъ на всѣ эти «челобитья великія» и эту «докуку безпрестанную» всегда было разсмотрѣніе затрогиваемаго вопроса и почти всегда удовлетвореніе жалобъ и ходатайствъ; при чемъ самая сфера вопросовъ или лучше предметовъ, по которымъ можно было царю «челомъ бить», никогда не ограничивалась: били челомъ на «налоги и насильства» намѣстниковъ, волостелей, воеводъ и приказчиковъ; просили о замѣнѣ этихъ царскихъ служилыхъ людей своими излюбленными выборными; жаловались на «продажи и разоренія» этихъ послѣднихъ и просили ихъ замѣнить воеводами; били челомъ о тяготѣ всякихъ государевыхъ сборовъ и повинностей, прося облегченія; посадскіе торговые людишки бьютъ челомъ на многія торговыя льготы англичанъ, указываютъ на свое отъ того оскудѣніе и просятъ отнять эти льготы у заморскихъ гостей и т. д., и т. д. Словомъ, челобитныя затрогивали всѣ сферы внутренняго административнаго строя, всѣ стороны общественныхъ отношеній, которыя регулируются въ значительной степени подъ вліяніемъ челобитныхъ, или лучше тѣхъ предложеній и мѣръ, которыя указывались московскому правительству въ этихъ челобитныхъ. А если это такъ, —нельзя не согласиться съ тѣмъ, что народу московскаго государства принадлежала въ значительной степени самая инициатива въ законодательствѣ.

Объ этой инициативѣ, по скольку она проявлялась въ челобитныхъ и на соборахъ, мы и хотимъ сказать нѣ-скольکو словъ.

I.

Челобитья.

«...жаловали напередъ сего бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, города и волости давали имъ въ кормленія и намъ отъ крестьянъ *челобитія великія* и доука была *безпрестанная*»...

Изъ одной грамоты Ивана Грознаго.

Въ давнюю эпоху княжеско-вѣчеваго строя древней Руси «гласомъ вышняго народнаго законодательства», говоря языкомъ нашего историографа, было *вѣче*—собрание самого народа. Призывая князя, указывая ему «путь чистъ» заключая съ нимъ договоры, на основаніи которыхъ онъ цѣловалъ крестъ править землю по «старой пошлинѣ» (обычаю), вѣче являлось законодателемъ, регулируя въ этихъ случаяхъ государственный строй «земли»; въ этой же роли являлось оно и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ съ сосѣдями. Но этимъ не ограничивалась законодательная функція вѣча. Такіе сборники древняго законодательства, какъ, напр., псковская и новгородская судныя грамоты, по указанію самихъ этихъ грамотъ, составлены при участіи вѣча: «ся грамота выписана», говорится въ началѣ псковской судной грамоты, «изъ великаго князя Александровы грамоты и изъ князя Константиновы грамоты и изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ... *всѣмъ Псковомъ на вѣчи*; а новгородскую судную грамоту «покончаша *посадники ноугородскіе и тысяцкіе ноугородскіе, и бояре, и жити люди, и купцы, и черные люди*, всѣ пять концовъ, весь государь великій Новгородъ *на вѣчи*, на Ярославовомъ дворѣ». Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда какой либо законодательный актъ грамоты исходилъ отъ имени князя, въ его составленіи, по

крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, все-таки участвовали «люди», вѣче; такъ, наприм., въ началѣ извѣстной уставной грамоты, данной (въ XII ст.) на имя смоленской, епископіи княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ и устанавливающей опредѣленные привилегіи духовенства, говорится, что князь даетъ эту грамоту «сдумавъ съ *людьми своими*»; здѣсь подъ «людьми» ничего, кромѣ все того же вѣча, разумѣть нельзя.

Разъ вѣче вѣдало законодательную функцію вмѣстѣ съ княземъ, участвуя въ составленіи и санкціи закона, само собою разумѣется, что ему, вѣчу, или, лучше, каждому участвовавшему въ немъ, принадлежало и право инициативы закона. Это право принадлежало всему вообще населенію, а не только участвовавшему въ вѣчевыхъ собраніяхъ старшему городу: къ вѣчу этого рода могло обращаться и обращалось съ тѣмъ или инымъ дѣломъ, вопросомъ, населеніе пригородовъ и сельское населеніе волостей. Это населеніе, являясь на вѣчѣ старшаго города, излагая на немъ свои жалобы на всякія тяготы, указывая на свои нужды, тѣмъ самымъ вліяло на ходъ и развитіе вѣчеваго законодательства.

Къ концу XV столѣтія вѣче повсюду исчезаетъ; Русь, какъ совокупность цѣлаго ряда отдѣльныхъ, независимыхъ княжествъ, смѣняется единымъ *московскимъ государствомъ*; князь смѣняется царемъ, стоящимъ во главѣ «Богомъ дарованныхъ» ему людей, его сиротъ, холопей, богомольцевъ. Потомокъ князя, когда-то цѣловавшаго народу крестъ «на вѣчѣ», что будетъ ходити на всей его, вѣча, воли «по старинѣ и по пошлинѣ», царь московскій является носителемъ власти, полученной отъ Бога, избравшаго его «въ себѣ мѣсто на земли». Этотъ земной богъ есть все для своего народа на землѣ. Онъ — источникъ милостей и гнѣва, каръ и награжденія, живота и смерти. Онъ источникъ и создатель закона; онъ самъ законъ; онъ—олицетвореніе государства или, употребляя выраженіе нашего историка-юриста,—«само государство». И однако,

несмотря на все это, «Божією милостію государь, царь и великій князь, всея Русіи самодержецъ», въ своей законодательной дѣятельности, въ своей великой роли управителя обширнаго московскаго государства, ничего не творить изъ себя самого: его холопы, сироты и богомольцы играютъ немалую роль въ его законодательномъ творчествѣ. За ними оставляетъ онъ значительную долю законодательной инициативы; духовный чинъ, его великаго государя служилые люди, посадскіе, черныхъ сотенъ и черныхъ слободъ людишки, становые и волостные крестьяне *«бьютъ ему великому государю челомъ»*, а онъ, царь и великій князь, ихъ *«жалуетъ»* — ими просимое даруя имъ, *узаконяетъ* его; «лучшихъ, добрыхъ и постоянныхъ» изъ нихъ великій царь московскій призываетъ для своего «великаго и земскаго дѣла на *совѣтъ»*; въ общемъ совѣтѣ со всѣми ими, по ихъ общему, «всемирному» приговору, онъ *«указываетъ»*.

Челобитья и общій совѣтъ земли, *земскіе соборы* — вотъ формы народной инициативы, народнаго участія въ законодательствѣ московскаго государства.

Сначала остановимся на челобитьяхъ, и посмотримъ, кто и о чемъ могъ «бить челомъ» царю, и къ чему приводили, чего достигали челобитныя.

Изъ поставленнаго въ началѣ главы эпиграфа прямо вытекаетъ, что крестьяне, въ періодъ московскаго государства уже «крѣпкіе землѣ», пользовались правомъ подачи челобитныхъ; отсюда à priori можно заключить о правѣ челобитія остальныхъ тяглыхъ сословій московскаго государства и его духовнаго чина. Въ дѣйствительности такъ это и было. Обратимся къ памятникамъ московскаго законодательства. Если остановиться на такъ называемыхъ «жалованныхъ грамотахъ» духовенству, издававшихся московскими царями на имя епархій, монастырей, церквей и устанавливавшихъ въ пользу послѣднихъ различнаго рода права и привилегіи; то окажется, что если не всѣ изъ нихъ (дошедшихъ до насъ), то очень и очень многія пред-

ставляютъ собою не что иное, какъ, если можно такъ выразиться, только отвѣтъ царя на просьбу, «челобитье» духовенства. На это указывается прямо въ самихъ жалованныхъ грамотахъ; въ нихъ часто говорится отъ имени царя: *«били мнѣ челомъ»* такого-то монастыря «священники и викарные» или «игумень съ братією и азъ, царь и великій князь, *пожаловалъ»*... при этомъ рассказывается, о чемъ били челомъ и что пожаловано; по сравненіи того и другого оказывается, что пожалованное и есть просимое челобитчиками. Жалованныя грамоты выдавались не одному только духовенству; ихъ получали служилые люди и даже тяглыя общины и получали, разумѣется, также въ отвѣтъ на челобитья. Служилые люди били челомъ царю едва ли не чаще его «богомольцевъ». Попробуйте хотя только перелистовать, напр., такъ называемыя «указныя книги» приказовъ холопьяго, земскаго, и вы чуть не на каждомъ шагу будете наткаться на выраженія: «били челомъ государю, царю и великому князю *дворяне и дѣти боярскіе разныхъ многихъ городовъ»*; «били челомъ *стрѣльцы всѣхъ праказовъ»*,—казаки и *всякіе служилые люди*». Докучали царю своими челобитными не одни только перечисленные служилые люди низшихъ чиновъ, челомъ били ему и такіе чины, какъ бояре и стольники; въ одной изъ царскихъ грамотъ отъ 1616 года говорится, что «великому государю *писали изъ всѣхъ городовъ* отъ литовскія и отъ нѣмецкія Украины и изъ-подъ Смоленска и изъ Пскова и изъ псковскихъ пригородовъ и *на Москвѣ безпрестани бьютъ челомъ* дворяне и дѣти боярскіе, и стрѣльцы, и казаки, и всякіе служилые люди»... Это было въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича, когда «великія россійскія государства отъ пограничныхъ недруговъ и отъ разорителей крестьянскихъ, отъ польскихъ и отъ литовскихъ, и отъ нѣмецкихъ людей, и отъ русскихъ воровъ разорены» были, когда расшатанное смутами первыхъ годовъ XVII вѣка, московское государство переживало особенно трудное время. Но если это было время особаго

«оскудѣнія» служилаго сословія, то едва ли оно не было временемъ еще большаго «оскудѣнія» во всѣхъ отношеніяхъ такихъ слоевъ населенія, какъ крестьянское и торгово-промышленное, положеніе которыхъ и за весь періодъ московскаго государства едва ли было особенно хорошо. Изъ эпиграфа мы видѣли, что еще при Иванѣ Грозномъ во второй половинѣ XVI столѣтія, крестьяне докучали царю «челобитными великими»: эти «крѣпкіе землѣ» земледѣльцы, выборные челобитчики, которыхъ присылаютъ эти «крестьянишки и волостные людишки» различныхъ уѣздовъ и волостей государства, чуть не безвыѣдно живутъ на Москвѣ, ожидая царскихъ выходовъ, чтобъ предстать предъ свѣтлыя очи царя-батюшки, ударить ему челомъ о своихъ невзгодахъ и просить его «смиловаться, пожаловать». Бьютъ челомъ царю «гости и гостинныя и суконныя сотенъ торговые люди», эти высшіе слои торгово-промышленнаго населенія московскаго государства чинятъ доuku царю своими жалостливыми челобитными и всякіе тяглые посадскіе «черныхъ сотенъ и черныхъ слободъ людишка». Бьютъ челомъ своему бѣлому царю его инородческіе подданные— «канинская и тиунская самоѣдь», ясачные вогуличи.

Но какъ же составлялись и подавались эти челобитныя? подавались ли они отъ имени отдѣльныхъ лицъ, или отъ цѣлыхъ сословій, общинъ или отъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ ихъ? Челобитныя подавались отъ имени тѣхъ, другихъ и третьихъ и подписывались или всѣми челобитчиками или же подписывались нѣсколькими выборными представителями сословія или общины «во всѣхъ людей мѣсто». Послѣдней формы челобитныя подавались отъ крестьянъ и посадскаго населенія или отъ тѣхъ и другаго вмѣстѣ. Духовенство, служилые люди и такіе слои торгово-промышленнаго населенія, какъ «гости и гостинныя и суконныя сотенъ торговые люди», подавали челобитныя, подписывая ихъ поголовно. При этомъ случалось, и нерѣдко, что челобитныя подавались людьми того или